

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ПРОЩАНИЕ
НА ПОЦЕЛУЕВОМ
МОСТУ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская

Прощание на Поцелуевом мосту

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Прощание на Поцелуевом мосту / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2018 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-095306-6

Убийство известного политика Дмитрия Захаровича Иноземцева потрясло город и поставило множество вопросов. Кто опубликовал новость о его смерти в социальной сети буквально в момент преступления? Почему свидетелей по делу отпускают и позволяют им скрыться? Что за девушка провела с Иноземцевым вечер перед убийством? Владелица детективного агентства Вера Бережная, которой Иноземцев назначил встречу незадолго до гибели, оказалась вовлечена в большую политическую игру. Она должна выяснить, кому была выгодна смерть Иноземцева и какое отношение это имеет к ней самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095306-6

© Островская Е. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Екатерина Островская

Прощание на Поцелуевом мосту

Все-таки они взяли этот банк. Хороший банк. Один из крупнейших в стране. Почти год обхаживали его, вернее, обхаживали руководство, и вот банк сломался. Точнее, сломалось руководство. И наконец вице-президент, отвечающий за регион, назначил встречу. Правда, он предупредил, что решает все равно московское начальство, а его попросили предварительно встретиться и обговорить условия.

– Еще не факт, что мы подпишем договор с вами, – предупредил по телефону вице-президент банка, намекая, что шансов у разыскного агентства очень немногих.

Но Вера Бережная прекрасно понимала, что раз встреча назначена, то решение уже принято. Или почти принято: главное, самим не нагнать, выдвигая условия. После последних ДОС-атак руководство или служба безопасности банка наконец поняли, что в их систему залетал не случайный вирус, останавливающий банковские проводки, этот вирус выводит из строя банкоматы, уничтожает операционную систему и скачивает данные клиентов. А ведь еще год назад Вера звонила и предупреждала, что атаки будут продолжаться и целью будет именно этот банк. Тогда над ней просто посмеялись и отмахнулись. Но стало не до смеха, когда встали многие российские банки, и даже крупные торговые сети почти сутки торговали только за наличный расчет, терпя убытки и не обращая внимания на недовольство клиентов, выстраивавшихся в сумасшедшие очереди.

Тогда отбиться удалось: известная фирма, распространяющая свои антивирусные программы, справилась с задачей, что удивило главного помощника Веры – эксперта-компьютерщика Егорыча. Удивило не в том плане, что справилась, а в том, что справлялась с нехитрым вирусом так долго. Он потратил на это дело не больше пары часов, а потом обнаружил и источник заражения. А тот самый банк, по выражению Окунева, стоял на ушах и понес самые значительные потери.

Но когда в самом начале борьбы с первой атакой Вера позвонила в некоторые кредитные организации и предложила помощь, ей отказали. И отказывали не всегда в корректных выражениях. Потом кое-кто пытался обвинить фирму «ВЕРА» в создании и распространении компьютерного вируса. В офис даже нагрянули специалисты некоего управления, но после беседы с Бережной, и особенно с Егорычем, долго извинялись, а потом попросили Окунева консультировать их по мере необходимости. Он по доброте душевной согласился.

Но известный банк долго не шел на контакт. Пока наконец в его руководстве не поняли, что собственными силами не справятся.

На встречу с вице-президентом должна была пойти сама Вера Бережная, ее заместитель по финансовым делам и одновременно главный консультант по расследованию экономических преступлений Илья Семенович Подольский и, конечно же, Окунев.

Подольский и Егорыч зашли в кабинет Веры, чтобы обсудить переговорную тактику.

– Окунев нас опозорит, – начал с порога Подольский и мрачно добавил: – Если вообще с нами начнут говорить.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Вера.

– Да, посмотрите на него! – возмутился Илья Семенович. – Он же одет как битник в шестидесятые. Джинсы потертые, бейсболка, майка с Микки-Маусами, стоптанные кроссовки... Мы же в солидную организацию идем. А там встречают по одежке.

– Вот потому-то банк в такой заднице, – парировал Егорыч. – И потом, один раз я их уже проконсультировал, и мой вид их не смутил, они даже денег мне предложили за помощь. Но я отказался.

– А вот это зря, – возмутился Подольский. – Предложили не тебе лично, а нашей фирме. Мы не благотворительная организация, мог бы...

– Закрыли тему, – подвела черту Вера и перевела взгляд на Окунева: – Егорыч, в чем-то Илья Семенович прав. Бог с тобой, что от гонорара отказался. Договора с банком все равно не было. Помог ты им, и молодец. Тем более что если бы не помог, то сейчас они не обратились бы к нам. Но раз в год можно и костюмчик надеть, когда в люди выходишь.

– И так сойдет, – сопротивлялся Окунев.

– Когда выходишь в люди с начальством, изволь выглядеть прилично, – продолжила мысль Бережная.

Егорыч тяжело вздохнул, но спорить не стал.

– У тебя костюмчик приличный найдется? – продолжила Вера.

Окунев ничего не ответил, только мрачно посмотрел в окно.

Вера поручила Подольскому отвезти коллегу в тот магазин, в котором одевается он сам, и подобрать что-нибудь классическое, строгое, без какого-либо намека на экстравагантность. Илья Семенович одевался именно так и выглядел всегда изысканно, готовый в любой момент хоть к встрече с руководством самого крутого банка, хоть к выступлению на коллегии министерства финансов.

Они уехали, через час Подольский позвонил и с негодованием сообщил, что их компьютерный гений отказался что-либо примерять, схватил какой-то пиджачок в клеточку, брюки и туфли, заявив, что к его галстуку, который хранится дома, это все подойдет.

– Хороший пиджачок хотя бы? – поинтересовалась Вера.

– В мелкую клеточку! – возмутился Подольский.

– Ладно, оставь его. Главное, чтобы Егорыч чувствовал себя комфортно.

К полудню следующего дня Вера и ее коллеги прибыли в офис банка. Он располагался в одном из исторических зданий в центре города. Поднялись на второй этаж в огромную приемную с лепниной на потолке и кожаными креслами для посетителей. Их сразу же провели в кабинет вице-президента. За длинным столом для переговоров сидели трое: сам вице-президент, который руководил всеми филиалами на Северо-Западе, начальник службы безопасности и какой-то специалист из Москвы из головного офиса. Московский специалист, едва увидев вошедших, вскочил и бросился обнимать и хлопать по спине Окунева:

– Филя!

Московский гость тут же смутился от собственной фамильярности и продолжил:

– Прости, Егорыч, сколько же лет не виделись! А мне все наши говорили, что ты в Штатах осел.

– Привет, Володька, – спокойно ответил Окунев, обнимая московского гостя в ответ.

Вице-президент смотрел на них с удивлением. Удивляясь даже не тому, что в его кабинете встретились старые приятели, а тому, что на Егорыче точно такой же пиджак, как на нем самом.

Начались переговоры. Веру спросили, какая у них будет стратегия защиты. Она не успела ответить, потому что сразу включился Окунев:

– Лучшая защита – это нападение. Источник мне известен. Разрушить его трудов не составит, но это займет время. Я лучше позвоню ему и попрошу больше так не делать.

– Вы знаете, кто это организовал? – не поверил специалист по банковской безопасности.

– Кто организовал – не знаю, а того, кто исполнил, знаю хорошо. Зовут его Дерти Харри.

– Кто это? – не понял вице-президент.

– Грязный Гарри. Пару-тройку лет назад он атаковал электросети на Восточном побережье. Его вычислили, взяли, и с тех пор, я уверен, он работает по госзаказам. Он не на вас напал, а на Канадский королевский банк, который является вашим главным партнером. Так что вы,

господа, просто под раздачу попали. А «Ройял Бэнк оф Канада» входит в десятку крупнейших в мире по капитализации, а по прибыли он вообще...

– Мы знаем, – сухо прервал его вице-президент. – Но как вы...

– Да это фигня, – отмахнулся Егорыч, – просто ваш главный партнер кому-то очень мешает на американском континенте. Он превосходит все американские банки по рейтингу надежности. Кому это понравится? Вот и пытаются с помощью Грязного Гарри сломать вашего партнера и вас заодно. Гарри-то я сниму с вас, только потом наверняка появятся другие хакеры. Впрочем, их я тоже смогу нейтрализовать. А в конце концов выявлю заказчика, и мы с вами нанесем такой удар... Мы им Сталинград устроим!

– Нет-нет! – воскликнул вице-президент банка. – Никаких ударов без нашего ведома. Мы с вами должны прийти к соглашению и совершить взвешенные действия. Наши юристы подготовили проект договора с вашей фирмой, ознакомьтесь и если все вас устроит, то я уполномочен подписать его от лица нашего банка. Кстати, вы не хотели бы открыть у нас счет? У нас есть специальная программа для привилегированных клиентов.

Долго обсуждали все детали, выпили кофе. Затем Вера уехала в офис, Подольский остался разговаривать со своим коллегой из банка, а Егорыч – с московским гостем, который оказался его бывшим сокурсником. Потом к их беседе присоединился и вице-президент: его очень интересовало, как господин Окунев сумел приобрести пиджак из эксклюзивной миланской коллекции.

Рабочий день еще не закончился и Вера разбирала бумаги, когда ее прервал сигнал селектора. Секретарь сообщила, что на проводе звонок из Москвы и женский голос интересуется, сможет ли госпожа Бережная переговорить с Дмитрием Захаровичем.

– С каким Дмитрием Захаровичем? – не сразу поняла Бережная, но тут же вспомнила и велела: – Да, соединяй!

– Вера Николаевна Бережная? – поинтересовался вкрадчивый женский голос.

– Да, слушаю вас.

Но вместо женского голоса в трубке зазвучал уже голос Иноземцева:

– Здравствуйте, Верочка! Сколько лет, сколько зим! Вы обещали связаться со мной, я ждал-ждал, не выдержал и звоню вам.

С Иноземцевым Вера познакомилась случайно. Они летели одним самолетом. Дмитрий Захарович был тогда главой одного из министерств и летел с помощником на экономический форум. Вера отправлялась тоже в Швейцарию, но по своим делам. Вера Иноземцеву понравилась, он вручил ей свою визитную карточку. Но звонить она не собиралась и уж, конечно, ничего не обещала.

– Вам жалко коробки «Ханки Баннистера», которую вы проспорили Софьину?

Прошло совсем немного времени с того дня, когда Вера, возвращаясь из Стокгольма, случайно оказалась на круизном судне, принадлежащем бывшему заместителю Иноземцева. Бывший зам, а ныне олигарх Софьин в тот день проводил в столице Швеции переговоры со своими деловыми партнерами и готовился вернуться в Россию. Встреча была неожиданной, но как будто подготовлена кем-то, кто планирует наши судьбы. Борис Борисович узнал Бережную сразу и предложил ей зайти на борт, услышав от Веры, что на ближайший авиарейс до Санкт-Петербурга билетов нет. Судно было практически пустым, если не считать труппы небольшого столичного театра, который спонсировал Софьин. Кто мог знать тогда, что круиз будет переполнен трагическими событиями, а сам Борис Борисович так и не доберется до родных берегов. Софьин погиб, но она прекрасно помнила его слова о том, что Иноземцев поспорил со своим заместителем на коробку коллекционного виски, что Вера вскоре с ним свяжется и будет просить о встрече.

Но теперь бывший руководитель Софьиной звонит запросто и уверяет, что Бережная сама когда-то обещала ему позвонить. Разговор он начал непринужденно, но Вера, судя по всему, сбила его настрой.

И когда она упомянула о коробке проспоренного элитного алкоголя, Дмитрий Захарович растерялся, ожидая подвоха.

– Какого «Баннистера»? – почти искренне возмутился Иноземцев. – При чем тут мой любимый сорт виски? Я, правда, не совсем понимаю, о каком споре вы говорите.

– Но вы же поспорили с Борисом Борисовичем насчет меня...

– Чушь какая! Это Борька вам сказал? Так он наврал, как всегда, с три короба! Но что сейчас о нем? Нет человека, и нет проблем, как говорится. Печально, конечно, что с ним такое случилось, но...

– Так что вы хотели, Дмитрий Захарович? – спросила Вера. Не верила она, что Иноземцевым движет какой-то романтический интерес.

– Мне рассказали об обстоятельствах смерти Софьиной и о вашем участии в этом деле, – начал Иноземцев. – Честно говоря, сначала не поверил, но люди, сообщившие об этом, весьма информированные, а потому не доверять им нет оснований. Я бы хотел встретиться и поговорить на эту тему.

Вера догадалась, что за этим предложением кроется какой-то подвох. Иноземцев давно уже не министр, и с Софьиным их связывали не только дружеские отношения, но и дела, общий бизнес.

– Где вы предполагаете встречаться? Я в Москву в ближайшее время не собираюсь.

– Зато я собираюсь в Питер, – сообщил Дмитрий Захарович. – Наша партия открывает там свое представительство. Вернее, уже открыла. Но активисты требуют моего участия в мероприятии – в какой-то организуемой ими акции. А я всегда иду навстречу чаяниям народа. Так что, можем увидаться через недельку?

Встречаться с Иноземцевым Вере не хотелось. Она раздумывала, как бы повежливее отказаться.

– Не верю я, что Борька кого-то там убил, – проговорил Дмитрий Захарович. – Не такой он человек, чтобы решиться на подобный поступок. Он трус по жизни, а трусы никого сами не убивают. Как он это сделал?

Вера усмехнулась. Наверняка он знает все детали, если получил об этом информацию от людей, которые предоставили ему номер служебного телефона Веры Бережной.

– Ножом, – ответила она. – Софьин убил свою бывшую свояченицу охотничьим ножом.

– Ужас! – вздохнул Иноземцев.

Но в его голосе Вера не услышала ни единой нотки сожаления.

– Жаль Борьку. – И как будто только сейчас вспомнил, он добавил: – А ведь у него были какие-то активы, движимое и недвижимое... Даже акции каких-то предприятий. Что с ними сейчас?

«Вот, значит, причина вашего интереса», – подумала Вера и переспросила:

– Вы имеете в виду акции принадлежащих вам предприятий?

– Принадлежащих кому? – наигранно удивился Иноземцев. Но понял, что притворяться нет смысла, и спросил: – Верочка, скажите, их возможно выкупить? Мне сообщили, что вы как-то связаны с фондом, которому они переданы в управление.

– Я думаю, что если будет предложена рыночная цена, то фонд не откажет вам.

– Вот и славненько. Думаю, нам есть о чем побеседовать, – заключил Иноземцев. – Через недельку встретимся и обсудим. Только не планируйте на это время других встреч. Если договоримся, то сразу и оформим сделку. Старые знакомые должны доверять друг другу.

Знакомство было шапочным. Просто несколько лет назад была встреча, за которой не последовало ничего, да ничего и не могло последовать.

Вера летела в экономклассе. Когда в Шереметьево самолет оторвался от земли, сидящая рядом с Бережной пожилая дама произнесла тихо, обращаясь не к Вере, а к спинке впереди стоящего кресла:

– Господи, хоть бы долететь...

– Боитесь летать? – обратилась к ней Бережная.

Женщина даже не повернула головы:

– Не то слово.

Ее трясло от страха, она закрывала глаза и тихо плакала, а потом у нее и вовсе прихватило сердце. Еще не прошло и получаса полета. Вера подбежала к стюардессе, и та спросила у пассажиров, есть ли среди них врач.

Врач нашелся, и как раз кардиолог. Пожилую женщину уложили на сиденья, а Бережной, из-за отсутствия мест в экономклассе, предложили продолжить полет в бизнес-классе без всякой доплаты.

В бизнес-классе летели всего двое мужчин. Еще молодых, но уже известных: один – министр экономического развития Дмитрий Захарович Иноземцев, а второй – его заместитель, Борис Борисович Софьин. С ними еще летела бутылка дорогого виски, из которой они время от времени плескали в свои стаканы с тающими кубиками льда янтарную жидкость. Мужчины оживленно беседовали и весело смеялись. Не прошло и пары минут после того, как Бережная стала их спутницей, к ней подошел сам Иноземцев и сказал, что у нее очень знакомое лицо. Дмитрий Захарович наклонился к ней совсем близко, глаза его блестели, и Вере стало понятно, чего он хочет на самом деле.

– Вы в прошлом году в Майами не отдыхали? – поинтересовался министр.

– Нет, – ответила тогда она.

– А на Сейшелах?

– Времени не было туда заглянуть.

– А кем вы работаете?

Бережная задумалась – не признаваться же, что она майор юстиции, – и ответила:

– Финансовым консультантом.

– Так, значит, нам по пути. Мы тоже летим в Давос, на финансовый форум.

Он опустился в кресло рядом, а Софьин наблюдал за ними, готовый подойти в любой момент.

– Я не в Давос, а в Цюрих по делам, – раскрыла цель своей поездки Вера.

– По каким? – игриво поинтересовался Дмитрий Захарович.

– По служебным.

Он наклонялся к ней все ближе и ближе, пытаясь придать своему голосу проникновенное звучание, уверенный в своей красоте и неотразимости.

– Может, вам нужна помощь? – уже почти шептал он. – У меня большие возможности.

Вера задумалась, стоит ли принимать помощь от министра, расслабленного дорогим алкоголем, и задала встречный вопрос:

– Вы можете вытащить из «Цюрихер Кантональбанка» средства, заблокированные на счету моего клиента?

– Можем обсудить и этот вопрос, – вкрадчиво улыбаясь и почти прижимаясь к ней, шепнул министр. – За какие преступления заблокирован счет?

– Банк решил, что эти средства добыты незаконным путем, иными словами – вымогательством и взятками. Вы готовы позвонить прямо сейчас вице-президенту банка и договориться? Хотя боюсь, что после этого звонка вас в аэропорту будет встречать толпа журналистов с вопросами о ваших связях с русской мафией.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Дмитрий Захарович и немного отстранился. – Ха-ха-ха, – продолжал веселиться он, отодвигаясь еще дальше.

И внезапно спросил, уже спокойно и серьезно:

– Виски с нами выпьете?

Тогда Вера отказалась. Но потом, когда из-за снегопада над Германией пришлось сесть в Мюнхене, она все же выпила с ними немного белого вина. За четыре часа нахождения в баре аэропорта поговорили о многом. Хотя Бережная больше слушала бахвальство молодых чиновников. И тогда узнала, что Дмитрия Захаровича, за несколько лет до этого назначенного заместителем министра, всесильный Березовский назвал Дезиком, и это прозвище крепко пристало к нему. Иноземцева теперь так называли все, и неизвестно, нравилось ли ему самому такое прозвище, но он не обижался. И вообще министр показался Вере веселым и беззаботным, уверенным в своих возможностях и в своем будущем.

А при расставании в аэропорту Цюриха, оставшись наедине, Дмитрий Захарович спросил:

– Вы серьезно можете решать вопросы со швейцарскими банками?

– Вообще-то я прилетела договариваться со швейцарской прокуратурой, – ответила тогда Бережная.

И она не соврала. Вере действительно нужно было помочь разблокировать счета маленькой швейцарской фирмы, на которые вдруг упали пятьдесят миллионов евро. Фирму открыл слишком самоуверенный российский коммерсант, для того чтобы закупить в альпийской стране крупную партию лекарств. Коммерсант рассчитывал оставить свою маржу у швейцарских гномов. Бережная согласилась помочь подследственному при условии, что он поделится с родиной, заплатив всю сумму налогов.

– Вы можете мне пригодиться, – шепнул при расставании Дмитрий Захарович.

Протянул ей визитку с золотым гербом, не отдавая, достал из внутреннего кармана пиджака золотую авторучку «Монблан мастерштук» и записал поверх российского герба номер телефона.

– Мой личный, – сказал он. – даже президент об этом номере ничего не знает, а следовательно, телефон не прослушивается.

Бережная посмотрела на визитку, на номер, а министр, воспользовавшись заминкой, стремительно наклонился и поцеловал Веру в щеку, не обняв даже.

– Я верю, что скоро мы увидимся, – тихо произнес он.

Больше они не виделись.

Прошла ровно неделя после телефонного разговора с Дезиком. Вера почти забыла о том звонке. Точнее, не вспоминала всю неделю, занимаясь своими делами, которых хватало с избытком. Иноземцев вновь так и не позвонил. Вероятно, акции ему не особенно нужны. А у нее сейчас хватает забот и без бывшего министра.

С тем крупным банком началось взаимовыгодное сотрудничество. Попыток взломать его защиту больше не было. А через несколько дней «Ройял Бэнк оф Канада» попросил прислать русского специалиста для обмена знаниями с их специалистами.

– Мне их знания не нужны, – отказался Егорыч, понимая, чего от него хотят на самом деле.

Канадцы настаивали, обещали совершенно сумасшедшее вознаграждение, но Окунев объяснил, что за границу ехать не собирается по той причине, что его тут же сцапают янки, находишь он хоть в Финляндии, хоть в Восточном Тиморе.

– У меня каждое утро начинается с того, что я выбрасываю свое имя из базы ФБР, – сообщил он. – Я выброшу, а они снова вносят. И ведь им не надоедает.

Но обучить группу канадских товарищей он согласился удаленно, не выходя из дома. Вел мастер-класс по скайпу. Канадцы оплачивали его услуги щедро, средства поступали на новый счет агентства «ВЕРА» немаленькие. Бережная предложила такому ценному сотруднику хорошие премиальные, но Егорыч отказался. А когда Вера намекнула ему на персональный служебный автомобиль с водителем, он и вовсе замахал руками:

– Вот только не это. Мне в метро лучше думается, а с машиной я стану ленивым, толстым и никому не нужным. Хотя...

Он замолчал, и Бережная обрадовалась: неужели компьютерный гений сломался и у него появились потребности? Когда-то это должно было случиться, а то живет один, не испытывая хотя бы малейшей тяги к праздным развлечениям, отказывая себе в посиделках с друзьями, которых у него вообще-то и нет – разве что Петя Елагин. Да и тот такой же – некурящий, без семьи и даже без любимой девушки.

– Хотя, – повторил Егорыч, – возьму у вас немного. Тысяч десять баксов.

Он поднял глаза к потолку, вероятно, пытаясь там увидеть более точную сумму, и тут же продолжил:

– Десять, пожалуй, многовато. Нужно девять тысяч семьсот сорок долларов. Это на новую технику. У нас в конторе железо устарело.

Перед сном Вера посмотрела по «Евроныюз» мировые новости и уже собралась выключить телевизор, но зачем-то стала щелкать пультом, переключая каналы, попала на спортивный, не собираясь на нем задерживаться, но появились титры с фамилиями боксеров, участвующих в поединке. Показывали бой кубинца Олесьело с американцем Джексон. Оба боксера были темнокожими, и различать их было бы сложно, но на кубинце были трусы в цветах кубинского флага. В другое время Вера не стала бы тратить время на бокс, но Олесьело был не совсем чужой для нее. То есть, конечно, он был абсолютно незнакомый и посторонний человек, но совсем недавно права на него приобрел покойный ныне Борис Борисович Софьин, предполагая, что выгодно вложил деньги. Теперь Софьина нет на свете, а молодой кубинец выступает и выглядит вполне жизнерадостным.

Комментатор сообщил, что кубинца на самом деле зовут Гильермо Антонио Марти, но у него такой мощный удар, что его прозвали «Привет, небеса», как переводится его прозвище «Олесьело» на русский.

Вера решила посмотреть бой. Джексон сразу пошел вперед, а молодой кубинец отступал, причем делал это грамотно, американцу не удавалось запереть противника в углу. Джексон бил, но попадал по воздуху: Олесьело или уходил от удара, или нырял под выброшенную вперед руку соперника и снова уходил. Бой проходил в Атлантик-Сити, и зал неистово поддерживал своего. В самом конце раунда американец решил реализовать свое преимущество в силе – он был мощнее противника и ударил прямо и наверняка. Но тут же сам закачался от встречного удара, а второй – уже боковой – удар уложил его в глубокий нокаут.

Судя по всему, Борис Борисович был прав, когда радовался удачному приобретению. Камера показала зал, в котором бешено ликовали представители достаточно большой кубинской диаспоры, но все равно почти все пораженные зрители молчали. Диктор напомнил, что Джексон, по версии Всемирной боксерской ассоциации, является девятым номером, но теперь уже наверняка вылетит из первого десятка, так как вряд ли сможет провести в ближайшее время следующий бой.

Крупным планом показали седовласого негра, который следил за происходящим на ринге сурово и внимательно. Появилась строка – «Дон Кинг». Это был тот самый промоутер, о котором рассказывал Софьин и которому в дальнейшем он хотел перепродать права на молодого кубинца.

Вера выключила телевизор, подумала о том, знает ли Танечка Хорошавина, ставшая по факту наследницей покойного олигарха, что в числе теперь уже ее активов есть и такой замеча-

тельный темнокожий красавец. Хотя суд признал законным наследником ее пятилетнего сына, отцом которого являлся Борис Борисович, но управлять наследством, так неожиданно доставшимся ребенку, Танечке никто не запрещал. А поскольку сама она не хотела даже прикасаться к огромным деньгам, то попросила Бережную как-то распорядиться всем этим богатством. Был организован фонд помощи актерам, проводились фестивали, выплачивались премии и стипендии.

Запиликала мелодия мобильного телефона. Вера посмотрела на экранчик: ее вызывал Окунев. Так поздно он мог звонить только по очень важному делу.

– Что случилось? – спросила Вера.

– У меня новости лезут на компьютере постоянно. Только что прочитал, что в Петербурге минуту назад убит известный политик Дмитрий Захарович Иноземцев.

– Фейк, – уверенно опровергла Вера. – Как это может быть: только что убили, а его уже опознали и даже сообщили на весь интернет?

– Возможно и фейк. Но тут официальное сообщение появилось, в котором дословно говорится, что в центре Петербурга в районе Театральной площади застрелен видный политический деятель... И так далее.

– Ты можешь выйти на камеры уличного наблюдения?

– Уже включил обзор Театральной площади. Вижу саму площадь, вход в театр, вход в консерваторию. Людей немного, но все вроде спокойны.

– Перезвоню, – сказала Вера, прерывая разговор, и тут же стала набирать другой номер. Евдокимов ответил не сразу. А когда ответил, был явно недоволен тем, что его тревожат среди ночи.

– Ты чего звонишь? На часы смотрела? Половина первого уже...

– Иноземцева на Театральной площади застрелили. Ты что-нибудь слышал? – сразу взяла его в оборот Вера. – Ты же у нас начальник управления следственного комитета.

– Какого Иноземцева? Того самого? Чушь полная! Он же в Москве.

– Он собирался приехать и даже договаривался о встрече со мной.

– Бережная, это бред! Дай мне выспаться как следует. Убийствами я в служебное время занимаюсь. Тебе, кстати, от Риты привет. Ты и ее тоже разбудила.

Вера сбросила вызов и вновь приняла звонок Егорыча:

– Что-то очевидно случилось. Едут полицейские машины с мигалками. Люди потянулись в сторону Поцелуева моста. Но там камеры нет. То есть должна быть, и не одна, но не работает почему-то. Вместо изображения рябь на экранах.

– Полицейскую волну можешь перехватить?

– Уже сделал. Уже прослушиваю. Только что передали, что на мосту была стрельба и есть труп. Но кто убит – не сообщают.

– Проверь источник, разместивший первое сообщение, – приказала Вера.

– Это в твиттере было. Я и сам удивляюсь, как так оперативно кто-то выложил.

– Проверь кто!

– Попробую, – ответил Окунев и вдруг радостно воскликнул: – О, уже план «Перехват» объявили! Говорят, что убийца скрылся на седане серого цвета в сторону Васильевского острова или Дворцовой площади. Дураки они, что ли, эти убийцы? И там, и там – мосты, так что их скоро перехватят.

– Убийцы наверняка все предвидели: они поменяют машину, – рассуждала Вера. – Скорее всего, их поджидает другой транспорт, так что на Васильевский они в любом случае не пойдут. Свернут на Большую Морскую или в переулок Якубовича, а оттуда на какую-нибудь тихую улочку, вроде Почтамтской, и там пересядут. А потом направятся по Вознесенскому или по Гороховой в сторону, противоположную мостам и возможному перехвату. Да еще мимо здания городской прокуратуры проскочат. Поиздеваются таким образом. Время еще есть, забло-

кировать все улицы так быстро невозможно... Ладно, Егорыч, следи за всем. Мне Евдокимов уже названивает.

Она приняла вызов:

– Да, Иван Васильевич, проснулся? Готов работать?

– Откуда ты узнала об убийстве? – мрачно поинтересовался полковник юстиции.

– Из твиттера.

– Так не бывает, – усомнился Евдокимов. – Тело еще не остыло, а уже по радио объявили. То есть по этому твиттеру. Но убийство и в самом деле случилось. И хуже всего, что первыми на место примчались фээсбэшники. Их дежурная машина случайно проезжала мимо. Они полицейских не подпустили, потребовали организовать оцепление. Все подъезды к Поцелуеву мосту с обеих сторон Мойки сейчас перекрывают. Как-то все подозрительно быстро разворачивается. Сейчас еду туда, но боюсь, что этим делом, учитывая личность погибшего, будет заниматься госбезопасность. Но, с другой стороны, с них и спрос будет. Вера, а к тебе просьба: ты же человек независимый – если что узнаешь, сообщай не им, а прямо мне.

Вера тоже хотела поехать на место преступления, но поняла, что делать там нечего. Ее, разумеется, не подпустят. Наверняка даже Евдокимов там будет лишь сторонним наблюдателем.

И вообще, как на этом мосту оказался Иноземцев? Почему не связался с ней, как обещал? Когда приехал? Почему был без телохранителей?

Бережная задумалась, а потом придвинула к себе лежащий на прикроватной тумбочке ежедневник и, открыв его, записала: *«Сомнение первое – без телохранителей»*.

Действительно странно, ведь Софьин утверждал тогда на борту своего судна, что его приятель без личной охраны никуда не выходит. А если убит он один, значит, его никто не прикрывал. О раненых тоже никаких сообщений, Егорыч бы сказал. Иноземцев что, был один в чужом городе? Вышел ночью прогуляться?

Вера снова включила телевизор, нашла круглосуточный новостной канал, по которому как раз пустили спецвыпуск про это убийство:

– По непроверенным данным, в центре Санкт-Петербурга менее получаса назад был застрелен бывший министр, а теперь видный деятель оппозиции Дмитрий Захарович Иноземцев.

Позвонил дежурный по офису, сообщил, что прослушивает полицейскую волну и у него сложилось впечатление, что Иноземцев был не один. Сообщается о какой-то девушке, которая все видела. Девушка в шоке, но смогла рассказать, что выстрелили шесть раз. По словам дежурного, эксперты находились уже на месте, но свои предположения о ранениях высказывали не они, а находящиеся на месте преступления полицейские, которые передавали друг другу свои впечатления.

Опять позвонил Егорыч:

– Сообщение появилось буквально через минуту после выстрелов. В твиттер возможно выйти очень быстро, значит, тот, кто сообщил об убийстве, был рядом, видел, как все произошло, и сразу понял, кого убили. Как будто заранее знал.

Вера об этом уже думала.

– Егорыч, если сообщение появилось через минуту... За эту минуту убийцы уже скрылись, и свидетель, вполне вероятно, не видел их. Давай включим отсчет времени, чтобы понять, как свидетелю хватило минуты на то, чтобы во всем разобраться. Начинай!

– Да уж лучше вы, – замялся Окунев. – Вы следователь, а я просто...

– Тогда слушай меня и подсказывай. Предположим, некий случайный человек увидел, как стреляют. Притормозил, если он ехал на машине, дождался, когда скроются киллеры, потом подошел, посмотрел, кто жертва, и тут же вышел в сеть? Но тогда бы он сообщил, как

это произошло, что и кого он видел... В минуту вряд ли бы уложился. Теперь предполагаем, что убийца или убийцы уже скрылись и самого преступления он не видел... Но, увидев труп, нормальный человек как минимум будет растерян, чтобы сразу хвататься за телефон, входить в Интернет, открывать свой аккаунт и набирать новость. Не успеть! Мог, конечно, кто-то увидеть из окна... Но из окна не опознаешь наверняка, кого убили. Как с расстояния определишь: Иноземцев это или просто одинокий мечтатель лежит на мостовой.

– Вот и я о том же, – согласился Окунев. – Сейчас пытаюсь отыскать автора поста, но аккаунт открыт недавно и никакой активности на нем не проявлялось. Сейчас, правда, посыпались посты и перепосты: «Преступная власть зверски расправилась с самым лучшим представителем оппозиции...», «Убита надежда России на светлое будущее...», «Россия во мгле...» и тому подобное. Зайдите в интернет, Вера Николаевна, посмотрите сами. А я вам перешлю записи наружного наблюдения. Момент убийства там нет, зато есть, как Иноземцев с дамой идут по улице Глинки, а потом по улице Труда. Возле Поцелуева моста, как я уже сказал, камеры не работают. И он пропадает из поля наблюдения. Единственно, что удастся разглядеть, – на Поцелуевом мосту стоял и сейчас стоит большой автомобиль. Увеличив максимально изображение, я понял, что это эвакуатор. Но он не может быть оставлен посреди узкого мостика... Значит, и водитель был там. А водитель – это свидетель.

– Эвакуатор? – удивилась Вера.

И сразу записала в ежедневник: *«Сомнение второе – оставлены свидетели»*.

– Свидетель, – повторила она вслух. – То есть ты хочешь сказать, что убийцы, совершив свое дело, даже не поинтересовались, видел ли кто их? Почему не ликвидировали водителя эвакуатора, который наверняка все видел? К тому же, как я понимаю, свидетелей несколько. Иноземцев был не один.

– С девушкой, – подтвердил Егорыч. – С девушкой в длинном белом плаще. Когда искал их на видео, то только на ее плащ и ориентировался. Она как маячок для меня была, потому что Иноземцев в серой курточке терялся в бледном свете фонарей, особенно при удаленном просмотре. А белый плащ издали заметен.

– То есть, по крайней мере, двое живых свидетелей у нас имеется... – не спросила, а как бы для себя самой произнесла Вера.

– Не у нас. У них – у следователей, – поправил Егорыч. – И водителя, случайно оказавшегося там, и девушку, которая, вероятно, не случайно шла под ручку с известным человеком, никто и не пытался ликвидировать. Непрофессионально как-то, вы правы. Вот, кстати, еще одно подтверждение. Новое сообщение. Было сделано шесть выстрелов, и все в Иноземцева. Все выстрелы в спину.

Вера, продолжающая держать авторучку, записала: *«Непрофессиональный киллер»*.

– Про шесть выстрелов я уже знаю, – произнесла она, еще не закончив писать. – А теперь предположим, что стреляли из «ПМ». Там обойма на восемь патронов. Еще один можно держать в стволе. Но всего было произведено шесть выстрелов. Возможно, что два-три промаха все же было. И кто же выложил в сеть информацию? А еще удивляет: почему киллер посчитал свою задачу выполненной и даже не произвел контрольный? И не побеспокоился о том, чтобы его никто не мог опознать. Знать бы, с какого расстояния он стрелял.

– Полицейские как раз говорят об этом, – сообщил Окунев. – Убийца начал стрелять с шести-семи шагов, а последние выстрелы произведены шагов с трех.

– Вообще, шесть метров – это не расстояние, с которого промахивается мало-мальски умеющий стрелять человек, – отметила Вера. – Но мое первое впечатление такое, будто ночной стрелок не очень хорошо владел оружием и не представлял, что надо делать. Или операция была спланирована неумело, или он очень спешил. Убийца просто подошел на достаточно близкое расстояние и начал стрелять. Ни одного попадания в голову, нет контрольного выстрела. Опять же, оставлены живые свидетели...

«Сомнение четвертое, вытекающее из третьего...»

– Что? – не понял Окунев.

– Да это я для себя записываю, – объяснила Бережная. – сомневаюсь я, что киллеры стреляют плохо.

– Да, все это странно, – согласился Окунев.

– И еще: почему именно в этом месте не работали камеры уличного наблюдения? – напомнила Вера. – Как их можно было отключить? Я не верю, что это случайное совпадение. Следствие не поверит тоже.

– Самый простой способ вывести из строя сами камеры – повредить их или перерубить кабель. Но камеры установлены высоко, и, чтобы их испортить, надо на чем-то подъехать.

– Когда они перестали работать?

– Где-то за час. Я зашел на центральный городской пульт, там такая информация.

– Ты говоришь, на мосту стояла машина... – вспомнила Вера.

– Точно, автоэвакуатор! С него вполне возможно достать до камер. Или с машины, которая была установлена на эвакуаторе, – ответил Егорыч и спросил: – Вы смотрите телевизор? Только что началась прямая трансляция того, что сейчас происходит на Поцелуевом мосту.

Вера прибавила звук. Что-то вещал репортер. Полицейское оцепление сдерживало толпу. Фонари светили ярко, но окна ближайших домов были темны.

– Уже и цветы несут, – непонятно, то ли удивился, то ли обрадовался Окунев. – Откуда они узнали? Или специально готовились?

– Почему окна не горят? – поинтересовалась Вера.

– С одной стороны – здание бывших морских экипажей, но там давно нет казарм, что сейчас в нем – не знаю. С другой стороны – расселенный дом. Еще одно здание – офисное, вряд ли в нем был кто-то ночью, кроме поста охраны при входе. Жилое получается только одно, но время позднее, и вряд ли кто-то смотрел в окно.

– Там, наверное, уже дежурные участковые ходят по квартирам и опрашивают, – предположила Вера. – Но даже если и найдется свидетель, он ничего ценного не сообщит. Что он мог увидеть с такого расстояния? Только как машина уезжала.

На экране крупным планом показали тело. Куртка была приподнята, на обнаженной спине виднелись пулевые ранения. Крови было немного.

– А его что, переворачивали? – удивился Егорыч. – Почему тело на боку?

Вера и сама удивилась.

– Если он был мертв к моменту прибытия экспертов и врачей, то трогать его не стали бы. Переворачивали в случае, если бы потребовалась медицинская помощь. А если человеку стреляют в спину, то падает он головой вперед, уж никак не на бок.

И записала в ежедневник: *«Сомнение пятое – тело лежит на боку».*

Теперь показывали взволнованную толпу.

– Мне показалось или нет, что на самой куртке нет следов от попадания пуль? – засомневалась Вера.

– Наверное, показалось, – ответил Окунев. – Но если честно, то не видно было. Кто-то куртку задрал.

– Эксперты приподняли, чтобы осмотреть раны. А вообще, странно все это. Место убийства будто бы специально выбирали. Кто-то заранее вывел из строя камеры, очевидно, зная, что Иноземцев здесь пойдет. Но вряд ли Дмитрий Захарович выкладывал в Сети свои планы и расписание по минутам, где он будет находиться и куда пойдет. И непонятно, куда он направился ночью пешком...

– Возможно, шел смотреть с девушкой, как разводятся мосты. Может быть, он романтик? – предположил Окунев. – Но до Невы не дошел, хотя оставалось всего ничего шлепать.

– Кто-то их подждал или следил за ними, – продолжила Вера. – А на девушке был заметный белый плащ, который виден издали. Словно она специально надела его для удобства преследователей...

– Плащ модный, погода позволяет, – сказал Егорыч, – что в этом особенного?

– Возможно, – согласилась Бережная.

Но в ежедневник записала: *«Сомнение шестое – белый плащ как маячок»*. И сказала в трубку:

– Продолжай наблюдение, а я сейчас попытаюсь разузнать что-нибудь про спутницу Иноземцева.

Вера набрала номер Евдокимова. Он долго не брал трубку, а когда, наконец, ответил, быстро произнес: «Я очень занят» – и сбросил вызов.

Очевидно, полковник уже находился на месте преступления. От расследования его комитет не отстранили. Возможно, на начальном этапе службы будут взаимодействовать и потом решат, что убийство Иноземцева, к примеру, теракт, и дело полностью передадут в ФСБ.

Вера вновь позвонила Окуневу:

– Можешь отследить все звонки, совершенные из этого района сразу после убийства?

– Могу, конечно, но это ничего не даст. Преступник, как я понимаю, должен был доложить заказчику об исполнении. Только вряд ли он звонил со своего номера и, уж конечно, не с места убийства. Он же не идиот. Наверняка отъехал подальше. А еще аппаратом воспользовался, приобретенным с рук, и сим-картой, купленной по серой схеме. А потому вычислить его таким образом, скорее всего, не удастся. Хотя он мог куда и не звонить, куда проще подготовить сообщение для твиттера и одним нажатием кнопки отправить его. Тогда тут же об убийстве узнают многие, в том числе и заказчик, которого исполнитель, вполне возможно, и не знает лично. Это стопроцентная возможность для заказчика остаться в стороне.

– Ты прав, Егорыч, – ответила Вера. – Но ведь как-то они договорились. Кто-то передавал аванс, кто-то должен передать оставшуюся часть. Не думаю, что киллеру отдали сразу всю сумму. Должна быть у них какая-то встреча, например убийцы и посредника.

– А могли безналом? – оживился Егорыч.

– Не думаю. Сумма наверняка немаленькая. Это могут отследить, и преступнику надо будет объяснять, в случае чего, налоговой или банку, откуда и за что к нему пришли эти деньги. Так что только наличный расчет. Аванс могли передать самым примитивным способом, как в кино, через камеру хранения на вокзале... Хотя на вокзалах сейчас везде камеры. Но они могли что-то придумать. Посредник должен быть. А насчет твиттера ты правильно думаешь. Надо искать того, кто разместил пост. Возможно, найти номер телефона, с которого кто-то зашел в интернет через минуту после убийства.

– Уже нашел. Официально этот номер ни за кем не числится. Серая схема, о которой я говорил.

– Продавца номера все равно найти можно. Сбрось мне все данные. И ложись спать, Егорыч, четвертый час.

– Как четвертый? – удивился Окунев. – А я смотрю на экран: народу возле моста все больше и больше. Откуда столько зевак, которым спать не надо и на работу с утра не бежать?

– Думаю, что это сторонники Иноземцева. Те, кто собирался голосовать за его партию на ближайших выборах в Думу. В нашем городе, согласно социологическим опросам, таких около пятнадцати процентов. В столице чуть больше. По стране Иноземцев, конечно, был не так популярен, но в Думу представители его партии прошли бы однозначно. Некоторые оптимисты уверяют, что они стали бы второй думской фракцией.

– Партия гражданского большинства, – вспомнил Егорыч. – Их сразу стали называть «гебистами», были даже предложения изменить название.

– Мне кажется, что Иноземцева это мало волновало: он был человек веселый.

Вера выключила телевизор и легла в постель. Но долго не могла заснуть: перебирала в памяти все, что узнала о сегодняшнем ночном преступлении, пыталась разобраться, объяснить себе. Дело не представлялось ей особенно сложным, потому что есть свидетели, есть автомобиль, который использовали преступники. Если он еще не обнаружен, то будет найден в самые кратчайшие сроки, потому что машина неоднократно попадала в объективы камер, известен номер, и почти наверняка уже известна даже внешность тех, кто сидел на передних сиденьях, а если задние стекла не тонированы, то и остальных, находившихся в салоне, тоже можно опознать. Автомобиль найдется неподалеку от места убийства, и эксперты обследуют его на предмет обнаружения отпечатков.

А еще есть девушка, показания которой, вероятно, многое прояснят. Наверняка те сомнения, которые появились у Веры, возникли и у следователей. Девушка уже дала показания, и большая часть этих странных фактов найдет свое объяснение. Хотя если спутница Иноземцева видела, как убивают ее друга, вряд ли сможет отвечать на обращенные к ней вопросы. Да никто и не будет ее опрашивать сразу, среди ночи к тому же.

То, что она сама записала в ежедневник свои сомнения, напомнило Бережной ее работу, когда она начинала свой путь в Следственном комитете. Она даже схему рисовала на огромном листе, прикрепленном кнопками в их общем кабинете с Евдокимовым. Делала это по примеру персонажей американских детективных фильмов. Иван Васильевич, а тогда просто Ваня, смеялся над ней. В то время она была начинающим следователем, а он – умудренным опытом сотрудником, который даже в мыслях не мог представить, что когда-нибудь может стать начальником городского управления. Но теперь Евдокимов на генеральской должности, а она руководит успешным розыскным агентством и командует не только следователями, но и опытными оперативниками, которых в полиции явно недооценивали.

Вера заснула, и разбудил ее телефонный звонок. Спала она крепко, без снов. Просто закрыла глаза, а уже утро – восемь часов. Обычно она просыпалась гораздо раньше.

– Не спишь? – поинтересовался Евдокимов. – А я вот вымотался за ночь – вообще глаз не сомкнул. Надо бы домой, отдохнуть немного, но днем какой отдых?

– Машину нашли? – сразу спросила Вера.

– Нашли. Загнали ее в один из дворов на Почтамтской. Жильцы, естественно, ничего не видели и не слышали ночью. Отпечатков тоже нет. То есть парочку смазанных нашли, но они неопределяемые.

– К тебе можно подскочить?

– А смысл? Вот если бы у тебя было бы что, то обсудили бы, как в былые годы. А впустую встречаться не хочу – устал.

– Может, я на что и сгожусь, – настаивала Вера.

– У тебя есть что-то? – насторожился Евдокимов. – Говори прямо.

– Ты принадлежность телефонного номера установил?

– Какого номера?

– С которого убийца или его сообщник вышел в твиттер и сообщил о выполнении задания.

– Этим ребята из госбезопасности занимаются. Может, чего и установили уже. Но мне они не докладывают.

– Иван Васильевич, ты же знаешь: не сделаешь сам – не сделает никто. Кроме того, у тебя никаких сомнений не возникло по этому поводу?

– А какие у меня должны быть сомнения? Есть тело – есть дело. Убит известный человек, характер его смерти криминальный. Это заказное убийство, не бытовуха же. Госбезопасность сразу вцепилась. Меня толком даже к трупу не подпустили.

– Ты в курсе, что я была знакома с Иноземцевым? – спросила Вера.

– Откуда? – удивился Евдокимов.

– Не скажу, что это близкое знакомство. Мы летели в одном самолете, потом была вынужденная посадка в Мюнхене, в аэропорту вместе четыре часа провели. Иноземцев мне оставил визитку со своим личным номером и разрешил звонить, но так разрешил, как будто потребовал. А неделю назад сам позвонил и сообщил, что собирается в Петербург, придумал даже тему для встречи, чтобы меня заинтересовать. Я-то не давала ему своего номера, но он для чего-то узнал его.

– Ну и...

– Подъеду и расскажу, что думаю по этому поводу.

Евдокимов некоторое время молчал, размышляя, а потом все же согласился:

– Приезжай.

Они сидели в кабинете полковника Евдокимова. Иван Васильевич рассказал, что камеры уличного видеонаблюдения перестали работать, так как кто-то намеренно вывел их из строя. Вечером проходила машина якобы ремонтной бригады, занимающейся уличным освещением: проводами, лампами на столбах. Ремонтники повозились недолго и убыли. Тогда камеры и перестали работать. Потом на мосту у автоэвакуатора заглох двигатель. За несколько минут до того, как появился Иноземцев с девушкой.

– Что за девушка? – поинтересовалась Вера.

– В каком смысле? – изобразил непонимание Евдокимов. – Ты же понимаешь, что я не имею права раскрывать ее личность.

– Симпатичная хоть?

– Может быть, но моей Рите в подметки не годится. Самое противное, что эта девица отказалась отвечать на вопросы! – раздраженно поморщился Евдокимов. – Сказала, что ничего не видела. Внезапно услышала выстрелы, зажмурилась от страха. Даже кричать не могла, голос пропал. А когда открыла глаза, Дмитрий Захарович уже был мертв. Испугалась, что сейчас в нее выстрелят...

– И тут же зажмурилась снова?

Евдокимов молча кивнул.

– Ну что же, бывают такие впечатлительные девушки, – заметила Вера. – А водитель автоэвакуатора оказался таким же нервным?

– Еще хуже! Его словно парализовало от страха. Он там случайно оказался: у него на повороте с моста якобы заглох двигатель. Повторяет только, что он чудом выжил, потому что убийца, скорее всего, думал, что в кабине никого нет. А он сам ничего не видел и не слышал. – Евдокимов хлопнул ладонью по столу. – Было, по крайней мере, шесть выстрелов, а он говорит, что не слышал! Уверяет, что слушал музыку в наушниках.

– И ты веришь? – удивилась Вера. – Заглох двигатель автоэвакуатора, на котором он доставлял транспортное средство нарушителя на штрафную стоянку. А водитель, вместо того чтобы вызвать техпомощь, сидит и слушает музыку.

– Он говорит, что хотел вызвать, но там никто не ответил. Решил перезвонить позже, но почти сразу произошло преступление.

– Сколько времени он стоял там?

– Уверяет, что не больше двадцати минут, а может быть, и того меньше. Он не засекал.

– Но музыку слушал, вместо того чтобы вызвать техпомощь. Машина потом завелась?

Проверили показания?

– Да, вроде.

– Тебе это не показалось странным? Ты проверил наличие наушников и музыки?

– Вера! – возмутился Евдокимов. – Конечно, я все проверил.

– Сколько лет меломану?

– Сорок один.

– Эксперимент еще не проводили? Пусть кто-нибудь из твоих людей наденет наушники, а возле кабины шесть раз выстрелят. Слышно будет? Я думаю – да. Кстати, сколько отстреленных гильз обнаружили?

– Пять. Шестая, судя по всему, в Мойку улетела.

– Вместе с седьмой и восьмой, я думаю. Если в обойме оставались еще патроны, почему не было контрольного и жива до сих пор эта девушка? Как ее зовут?

– Ты же знаешь, я не могу раскрывать. Ведется следствие.

– Не можешь так не можешь, – пожала плечами Вера. – Сегодня узнаю из газет. И еще один вопрос: ты лично занимаешься этим делом?

– Пока я еще не занимаюсь. Просто присутствовал. А вообще, ты же знаешь, не могу без работы. А бумажки переключать с места на место – не по мне.

– Отвыкай, ты же уже большой начальник, – усмехнулась Вера. – Так все-таки как девушку зовут?

Иван Васильевич промолчал, вздохнул и сделал попытку уйти от ответа:

– Главное, название у моста, как издевательство, – Поцелуев. Мне уже позвонили и сообщили, что в каком-то интернет-издании появилась статья под названием «Прощальный поцелуй».

– О чем хоть?

– А я знаю? Наверное, про то, как власть уничтожает лучших.

– Что она еще сказала? Я не про статью, а про девушку.

– Ничего. Сказала, что очень устала, очень испугалась и хочет только одного – уйти оттуда подальше. Отвезли ее в гостиницу, где они с Иноземцевым остановились. Там был произведен досмотр его вещей, но ничего интересного не обнаружили.

– В какой гостинице они остановились?

– В отеле «Амбассадор» на Садовой.

– Я знаю, где это, – кивнула Вера. – И что, такое расстояние они пешком прошли? Там не меньше получаса ходьбы.

– Они в Кировском театре были. После окончания «Щелкунчика» зашли в ирландский бар. Это совсем рядом с театром. Иноземцев выпил виски «Джемисон», его спутница – бокал пива «Гиннесс», потом Иноземцев предложил посмотреть развод мостов, но не дошли и повернули обратно. А на Поцелуевом мосту...

– Кто предложил прогуляться?

– Девушка говорит, что Дмитрий Захарович. Мол, она не хотела, ей и ходить неудобно на высоких шпильках, но пришлось согласиться...

Вера достала из сумки ежедневник и записала: *«Сомнение седьмое...»*

– Ты чего там пишешь? – возмутился Евдокимов. – Может, у тебя там еще и диктофон припрятан? С тобой, как с другом...

– Сейчас объясню, – кивнула Бережная.

Она убрала в сумочку ежедневник и посмотрела на бывшего коллегу:

– Дело в том, что свидетельница или намеренно врет, или намеренно что-то недоговаривает. Дмитрий Захарович не любил ходить пешком. У него от долгой ходьбы распухали и болели ноги. А тут от ирландского бара до Невы, куда они собирались, почти километр, а оттуда до «Амбассадора» еще полтора.

– Откуда ты про ноги его знаешь? – нахмурился Евдокимов.

– Покойный Софьин рассказал. Еще он сообщил, что врачи советовали Иноземцеву операцию, но он не хотел или боялся. Он вообще всего боялся, и без охраны он никуда не ходил.

– Всякое бывает. Хотел уединиться с дамой, – предположил Евдокимов.

– Ты этой девушке веришь?

Иван Васильевич подумал и кивнул.

– А зачем ей врать? Так ли важно, кто предложил прогуляться? Но она и в самом деле в сапожках на шпильках была.

– Что еще она вам поведала?

– А ничего. Когда мы ее доставили в номер, сказала: «Спасибо, господа, но мне надо прилечь». Хотели попросить ее к полудню встретиться, чтобы она дала показания, но она нагло заявила, что в полдень еще будет спать, а вообще, теперь всякое общение с ней только в присутствии адвоката. Как будто ее в чем-то подозревают.

– В каком она номере?

– Тебя не пропустят. Ее охраняют люди из госбезопасности и охрана отеля. И вообще, я уже жалею, что с тобой так откровенничал.

На Садовой перед отелем «Амбассадор» в нетерпении подпрыгивали папарацци с фотоаппаратами и разновеликими бейджиками «Пресса». Внутри их не пропускали двое полицейских, которые молча посторонились, когда Вера важно заявила, что проживает в гостинице.

Но при входе в просторный холл дорогу ей преградил швейцар:

– Свободных номеров нет.

– Я в ресторан, – надменно объяснила Вера. – И я не журналист, чтоб вы знали.

И пошла дальше; задерживать хорошо одетую красивую даму швейцар не решился.

Вера прошла к стойке ресепшена и обратилась к девушке-администратору:

– Мне нужен люкс на сутки.

– Но у нас сегодня, к сожалению, нет заселения, – ответила та.

– Я бы хотела самый лучший с хорошим обзором, который на самомверху, – словно не слыша администратора, продолжила Вера.

– Увы, – вздохнула девушка, – он занят.

– Но он там ведь не один?

– Есть второй, но его должны освободить только в двенадцать.

Вера посмотрела на часы: до полудня оставалось менее четверти часа.

– Я подожду. Посижу пока в ресторане. Потом спущусь, а вы мой номер никому не отдавайте, – решительно сказала она и направилась к лифту.

Вера поднялась на девятый этаж и, когда вышла из кабины, сразу увидела двоих мужчин в штатском, сидящих у дверей одного из номеров. Не задерживая на них взгляда, она направилась к ресторану.

Зал был почти пуст, только за одним из столиков сидела маленькая компания с помятыми лицами. Вера решительным шагом направилась к дверям, ведущим к подсобным помещениям. Ее догнал администратор:

– Простите, что вы хотите?

– Я в буфет, – не останавливаясь, ответила Вера. – Взять завтрак в номер-люкс, сами знаете в какой.

– Я провожу.

Он поспешил к буфету и показал на девушку, скучающую у кассы:

– Это Лидочка, она вам поможет.

Затем обратился к девушке:

– Представитель органов. Так что постарайся...

Буфетчица была одета так же, как и официантки: синяя юбочка и белая блузка. Только на ней еще был передничек с кружевной оборкой.

Метрдотель обернулся к Вере:

– А рассчитывать как будете?

– Наличными. Спасибо за помощь.

– Не за что. Мы всегда готовы помочь представителям власти. А тут такое несчастье... Трагедия, можно сказать.

Он ушел.

– Вам стандартный завтрак? – поинтересовалась Лидочка. – Это тысяча сто рублей. Или вы что-то хотите специфическое?

– Именно специфическое, – кивнула Вера. – Уже полдень, почти обед. А потому возьму бутерброды с черной икрой, королевских креветок с овощами, еще, если есть, пирожные...

– Есть очень вкусные пирожные с фисташковым кремом, – предложила Лидочка.

– Давайте. И чай, естественно.

– Через пятнадцать минут все доставят в номер, – объявила буфетчица.

– Пятнадцать минут – это долго, – поморщилась Вера. – Приготовьте все побыстрее, я сама отвезу в номер. Туда все равно не допускается никто из посторонних.

Не прошло и пяти минут, как официантка подкатила тележку. Вера положила на буфетную стойку пятитысячную купюру, спрятала в сумочку чек и сказала Лидочке:

– На пятнадцать-двадцать минут дайте мне ваш передник, чтобы пострадавшая девушка не волновалась. А то ей все мерещится.

Она сняла с себя кожаный пиджачок, осталась в белой рубашке.

– Только у вас юбка черная, – напомнила Лидочка, послушно снимая передник.

– Я думаю, сойдет, – улыбнулась ей Вера.

Вера в белом кружевном передничке и с бейджином «Лида» на груди везла тележку по коридору. Мужчины, охраняющие номер, напряглись, когда она подошла. Один из них спросил строго:

– Кто распорядился?

– Постоялица позвонила, – невозмутимо ответила Вера и шагнула к двери.

Мужчина перегородил дорогу:

– Простите, но полагается обыскать.

– Я не буду раздеваться! – возмутилась она. – И обыскивать себя не позволю!

– Мы визуально, – отступил мужчина. Окинул взглядом ее длинные ноги, обтягивающую юбочку, грудь, скрытую белой рубашкой.

После чего заглянул под крышку на подносе, осмотрел столик и кивнул:

– Ну, ладно, проходите.

Вера постучала, приоткрыла немного дверь и крикнула:

– Завтрак прибыл.

И сразу вошла.

Девушка сидела в кресле перед зеркалом, укладывала волосы феном. И, даже не повернувшись к двери, ответила:

– Оставьте и уходите.

Вера шагнула к ней:

– Я не официантка. Меня зовут Вера Бережная. Я – друг Дмитрия Захаровича. Он назначал мне встречу. Могу показать телефон со входящим от него.

Девушка обернулась и посмотрела зло:

– Покиньте номер, а то я закричу сейчас.

– И навредите себе в первую очередь. Я пришла для того, чтобы вы спокойно смогли уехать домой. Вас сегодня будут допрашивать. Вы сказали, что будете говорить только в присутствии адвоката. Он у вас есть в этом городе?

– Нет, – растерялась девушка.

– Тогда вам назначат государственного, а на него надежды никакой. Я вам дам своего – он самый лучший в Санкт-Петербурге. А если будете ждать другого, то вас задержат на двое суток. И будут содержать в другом месте, не столь комфортном. – Вера замолчала, прислушалась и шепнула: – Сейчас в дверь постучат и меня попросят удалиться. Скажите, что хотите, чтобы я осталась и поухаживала за вами. Лучше прилягте, полотенце на голову, будто бы плохо себя чувствуете. Тогда они не будут терзать вас и приставать с расспросами. А если будут тянуть на допрос...

Дверь отворилась без стука, заглянул один из мужчин и строго посмотрел на Веру:

– Вы не должны здесь задерживаться.

Вера многозначительно посмотрела на девушку, и та после паузы произнесла тихим, умирающим голосом:

– Это я попросила ее поухаживать за мной: мне так плохо. Я даже шевелиться не могу.

Мужчина покосился на фен в ее руках.

– Желание постоялицы для нас закон. Вы же не хотите, чтобы у нашей гостиницы были проблемы? – обратилась к нему Вера.

Он что-то пробормотал, но дверь закрылась.

– Адвокат прибудет через час, они обязаны его пропустить. Он научит вас, как отвечать на вопросы следователя. И еще попросите сами, вернее предупредите, что разговаривать будете только с начальником городского управления следственного комитета. Его фамилия Евдокимов, он мой старый приятель. Только он сможет помочь. Иначе вас не выпустят: подписка о невыезде – лучший вариант. Но вас могут и обвинить в соучастии.

– Но я ни при чем! – воскликнула девушка. – Зачем им меня задерживать?

– Я знаю, я даже убеждена, что вы не виновны. Но для них самое важное объявить, что следствие продвинулось и уже есть задержанные. Запомните, скоро прибудет адвокат, с ним обсудите все. И попросите...

– Я поняла, я потребую, чтобы меня доставили к начальнику... этого... как его... городского следственного комитета?

– Все правильно. Как вас зовут? Просто Дезик не предупредил, что вы приедете вместе.

– Меня зовут Каролина. Я – девушка Дмитрия Захаровича. – Вдруг она вскинула брови: – Вы знаете его прозвище? Вы настолько близкие друзья? – Она подозрительно прищурилась: – Вы с ним...

– Я просто друг, – успокоила ее Вера. – Запишите мой номер телефона, на случай, если вдруг потребуются выручать вас. И ваш мне дайте.

– У меня отобрали телефон.

– Номер запишите на салфетку. Когда вернут телефон, сразу звоните. А пока завтракайте, а то чай остынет.

Каролина начала с креветок, потом взяла бутерброд. Посмотрела на пирожное и радостно вздохнула:

– Мое любимое! Я так люблю фисташковый крем.

Она не походила на убитую горем, только что потерявшую своего возлюбленного.

– А откуда вы, Каролина? – поинтересовалась Вера. – Я могу связаться с вашими родными, чтобы они не волновались, а то, когда сообщат в прессе, кто был рядом с Иноземцевым, поднимется шум.

– А разве сообщат? – испугалась Каролина.

– Я думаю, что очень скоро. Вы что, нашу прессу не знаете? Разве Дмитрий Захарович не предупреждал, что с журналистами надо быть осторожнее и не болтать лишнего, а лучше вообще с ними не встречаться?

– Предупреждал. Он говорил, чтобы никаких интервью и вообще, чтобы я лишнего не говорила никому.

– Вот и не говорите. А следователям скажите, что Иноземцев собирался сделать вам предложение.

– Прямо так и говорить? – удивилась Каролина.

– Ну, вы же не хотите, чтобы вас считали девушкой по вызову. Скажите и настаивайте, что у вас были далеко идущие планы. Он собирался отвезти вас за границу...

– Так и было!

– Ну вот, значит, вы не соврете. А здесь, в городе, у вас были какие-то планы?

– Планы были у Димы. Он хотел встретиться с местным руководством своей партии. По телефону с ними при мне договаривался о встрече. Они его звали на какой-то митинг. А мне он предложил... – Каролина вздохнула. – Вчера только предложил, когда мы к Неве шли, показал на какой-то дом и сказал, что это дворец какого-то князя...

– Юсупова, – подсказала Вера.

– Ну да, кажется. И там убили Распутина, и теперь там этот князь и Распутин стоят во дворце восковые. Дима сказал, что надо бы зайти посмотреть на них. А еще он сказал, что какой-то певец, который пел про Распутина, все время приезжал сюда и тоже каждый раз ходил смотреть на эти фигуры. А потом этот певец умер прямо здесь... В смысле, прямо во дворце в день смерти Распутина. Вы представляете?

– Боб Фаррелл из «Бонни М», – сказала Вера. – Только он не во дворце умер. А в отеле. Между прочим, в этом же самом. И даже в этом же самом номере.

– Ужас! – испугалась Каролина. – Это правда?

Вера кивнула. Хотя на счет номера она не была уверена, но то, что жил популярный певец в люксе, знала точно. И умер он и в самом деле тридцатого декабря: в тот день Вера Бережная дежурила по управлению.

– На сколько вы приехали? – спросила Вера.

– На три дня, – ответила Каролина и добавила для точности: – На три дня и две ночи.

Вера решила больше ничего не спрашивать, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Да и охрана за дверью начнет волноваться, что она так долго торчит в номере.

– Ладно, Каролина, мне пора. В ближайшее время приедет адвокат. И помните, что я вам сказала.

Девушка закивала. Вера спрятала салфетку, на которой Каролина записала номер, себе в рукав и вышла в коридор.

– Ну и как? – спросил один из мужчин в штатском.

Чем он интересовался, понять было невозможно, но Вера ответила:

– Приходит в себя.

Она вернулась в буфет. Отдала Лидочке передник, надела пиджак.

– У вас телефон в сумочке звонил, – сообщила буфетчица. – В смысле, вибрировал.

Вера достала мобильный. Ей звонили трижды: Окунев, еще один сотрудник агентства «Вера» – Петя Елагин и Евдокимов. Начала отвечать по порядку. Егорыч сразу сообщил, что утром вычислил серого дилера, продавшего сим-карту, и передал данные оперативной службе агентства. Петя Елагин доложил, что уже побывал у дилера. Самый обычный павильончик, где продают телефонные аппараты и подключают к какому-нибудь оператору. Продавец сначала отказался отвечать на вопросы, но когда Петя пригрозил полицией, признался, что к нему около месяца назад приходил какой-то мигрант, купивший сразу десять симок, якобы для земляков, которые трудятся вместе с ним на стройке. Ксерокопию паспорта оптового покупателя продавец так и не нашел. Петя подозревал, что никакой ксерокопии и не было, но имя того мигранта узнать удалось – Абдулла Фатихов.

Поблагодарив Петю, Вера набрала номер Евдокимова.

– Чего звонил, Иван Васильевич? – поинтересовалась она.

– Уже не помню. Возможно, случайно нажал, – ответил полковник.

– Тогда слушай меня. Поручи своим ребятам найти некоего мигранта Абдулла Фатихова. Он числится владельцем номера, с которого вошли в твиттер и сообщили заказчику о выполнении. Ты же понимаешь, что выходец из Средней Азии не смог бы так быстро и без орфографических ошибок отправить сообщение.

– Что за Абдулла? Что это значит? Ты прости, я не спал сегодня совсем и туго соображаю.

– Абдулла – это раб Божий. Если брать дословный перевод, – усмехнулась Вера. – Но я о другом. Возможно, кто-то использовал паспорт Фатихова для покупки сим-карт. Покупка была произведена у станции метро «Проспект большевиков». Твои люди легко найдут павильончик. Главное, пусть возьмут другие номера сим-карт, которые были проданы этому Фатихову. Возможно, ими тоже начнут пользоваться на один-два звонка. И еще: я сейчас отправлю Каролине своего адвоката, они переговорают, а потом она заявит, что будет давать показания только тебе лично. Так что скорее приходи в себя.

– Как тебе удалось встретиться с ней? – удивился Евдокимов.

– Ваня, я тебя умоляю! Ты же хорошо меня знаешь, я всегда добиваюсь того, что мне нужно! Потребуется помощь – звони. И держи меня в курсе официального расследования.

Салфетку с телефоном Каролины она развернула уже в лифте. Аккуратным, почти детским почерком было написано «Каролина Воронович» и номер телефона, а ниже еще один номер – «Галина Ивановна Воронович, Гродно».

Из машины Вера позвонила знакомому адвокату Перумову. Позвонила ему не потому, что он самый лучший, а потому, что самый представительный. Он всегда одевался стильно и дорого, носил итальянские туфли и шикарные галстуки, благоухал хорошим парфюмом, был абсолютно уверен в себе и говорил очень убедительно.

Перумов ей обрадовался, а когда узнал, что Вера ему предлагает, обрадовался уже искренне.

– Бросаю все свои дела и сразу лечу в «Амбассадор», – пообещал он. – То есть считайте, что уже лечу. С меня магарыч.

– Ничего не надо. Лишь услуга за услугу.

– Я понял. Буду держать вас в курсе.

Дело уже не представлялось Вере Бережной таким простым. С девушкой Каролиной все ясно. Слишком молодая, выглядит простушкой, к тому же сразу набросилась на деликатесы. Скорее всего, она сотрудничает с каким-нибудь агентством, предлагающим эскорт-услуги. Но вряд ли Иноземцев стал бы связываться с подобной фирмой. Вероятно, эту девушку ему подставили... Организовали «случайное знакомство». Она миловидная, юная. Сколько ей? Двадцать один? Двадцать два? Возможно, и меньше. Девушки, которые занимаются подобным промыслом, начинают рано и быстро теряют товарный вид. Может оказаться, что Каролине нет и двадцати.

Остановившись на светофоре, Вера позвонила Окуневу.

– По Фатихову много интересного, – сразу сообщил он. – Во-первых, он родом с Кавказа, и не мигрант. Во-вторых...

– Забудь пока о Фатихове. Проверь Каролину Воронович, – попросила Вера. – Она родом из Белоруссии. Из Гродно. Вполне возможно, там не живет постоянно. Проверь исходящие и входящие на ее номер.

Она продиктовала данные.

– Узнай и про маму Галину Ивановну, где работает, адрес...

Загорелся зеленый, и машины, стоящие за ее «эвоком», начали сигналить.

– Работай, Егорыч. – Вера нажала «отбой» и поехала дальше, продолжая размышлять.

Странное дело: слишком много сомнений. Надо не забыть записать уже восьмое по счету сомнение: «Зачем Иноземцев взял с собой в поездку эту девушку?» Вообще-то понятно зачем

– чтобы не скучно было. Но Дмитрий Захарович не развлекаться сюда приехал. У него была назначена встреча с городским активом его партии, потом заранее согласован митинг с его выступлением.

И митинг планировался у Финляндского вокзала, возле памятника Ленину. Не на Марсовом поле, куда приходят маргиналы, чтобы поскандальить, а на том самом месте, где сто лет назад пролетарии встречали своего вождя, вернувшегося из швейцарской эмиграции. Но у вокзала проводить митинг запретили, зато предоставили площадку в сквере у ТЮЗА. Что, кстати, тоже неподалеку от отеля «Амбассадор» – гостиницы дорогой, но все же не самой лучшей в городе. Вероятно, выбор на нее тоже пал не случайно. Пешком от «Амбассадора» до ТЮЗа – полчаса, не больше. Хотя вряд ли бы Иноземцев отправился пешком, его бы отвезли на машине, а обратно принесли на руках, как спасителя страны. Про митинг сообщалось заранее в СМИ. Зачем Дмитрию Захаровичу тащить с собой в рабочую поездку глупенькую и чужую для него девушку? Ради двух ночей? Предстоял плотный график мероприятий, а еще была намечена встреча с Верой.

Причем встреча важная для Иноземцева, если он и в самом деле собирался выкупить акции предприятия, над которым не хотел утратить контроль. Этими акциями владел Софьин, а теперь ему наследовал ребенок Софьиной от любовницы, пятилетний мальчик, о котором Иноземцев даже не слышал, как не слышал и о его матери – молоденькой, не претендующей на чужое богатство актрисе Тане Хорошавиной.

Танечка, увлеченная театром и своим сыном, попросила Веру Бережную помочь ей распорядиться акциями и всем остальным. С деньгами на счетах все понятно, другие активы можно продать. К примеру, круизное судно Софьиной удалось выгодно сбыть, как и зарубежную недвижимость. Оставались только акции предприятий самого Бориса Борисовича, которые теперь вряд ли кого интересуют, и акции предприятий Иноземцева. Конечно, существуют еще права на молодого кубинского боксера-профессионала, который может оказаться главным активом покойного Бориса Борисовича.

Когда Вера Бережная вернулась в офис, дежурный сразу доложил, что по телевидению уже показали фотороботы троих подозреваемых. А едва Вера вошла в свой кабинет, без стука ворвался Окунев.

– Простите, я, кажется, опять забыл постучать, – ничуть не смущаясь, заявил он и сел напротив. – Начинаю по порядку. Абдулла Фатихов – гражданин России, родом из Дагестана. Имеет две судимости, задерживался как участник бандформирований. В первый раз был совсем молодой, освобожден по амнистии. Второй раз – недавно. Почти год находился под следствием и вдруг вышел на свободу. Как это возможно?

– Активно сотрудничал со следствием. Другой возможности уйти от наказания по двести пятой нет, – пожала плечами Вера. – Если за ним не числятся тяжких преступлений, то вполне могли освободить.

– Местонахождение Фахитова установить не удалось, – продолжил Егорыч. – Но предполагаю, что он сейчас здесь, в Петербурге. Теперь о девушке и ее матери. Каролине Воронович – девятнадцать лет. Родилась в Гродно. В пятнадцать уехала в Минск, пробовать себя как модель. Вполне успешно. Некоторое время жила в Польше, где снималась для журналов. Рванула в Париж, но там, как говорится, не срослось. Вернулась в Гродно к матери, потом опять в Минск, оттуда в Москву. В Москве бывает наездами. В последний раз приехала чуть меньше месяца назад. И почти сразу познакомилась с Иноземцевым. Две недели назад они начали регулярно перезваниваться, потом съездили вместе в Сочи. В Москве Каролина снимает квартиру-студию. Что касается ее матери. Галина Ивановна Воронович проживает в Гродно, работает поваром на заводе, производящем автомагнитолы. Ей сорок лет, развелась четыре года назад, но ее муж не был отцом Каролины. Галина Ивановна зарегистрирована на сайте знакомств, но какое-

то время туда не заходила. Возможно, нашла себе кого-то. Однако свой профайл не удалила. Очевидно, ее нынешний ухажер не вполне серьезный вариант. Вы представляете: одинокая сорокалетняя женщина, работающая поваром в провинциальном белорусском городе, еще и выбирает! – усмехнулся Окунев.

– У каждого человека должен быть выбор, иначе у него будет не судьба, а сплошной рок, – невозмутимо ответила Вера.

– С этим я согласен, – кивнул Егорыч. – Слушайте дальше. Переходим к Дмитрию Захаровичу Иноземцеву. Все средства массовой информации уверяют, что он был трудоголик, бесребреник, никогда не имел личной заинтересованности. Но я проверил: Иноземцев – очень богатый человек. Очень! Сфера его интересов – топливно-энергетический комплекс. Помимо неплохих пакетов акций в нефтяных компаниях с государственным участием у него есть доля акций в компаниях, производящих электричество, в электросетях и даже заводик, производящий электрические лампочки и светодиоды. Прибыль у заводика стабильная и приличная. Но эти предприятия, производящие электроэнергию, занимающиеся сбытом электроэнергии, хотя и самостоятельные фирмы, но все – часть огромного холдинга, с государственным участием. Доля Иноземцева сравнима с долей государства, а может, даже и превосходит ее. Дмитрий Захарович был дважды женат. От первого брака есть взрослый сын, который только что закончил обучение в Англии и там же теперь трудится. От второго брака есть дочь. Девочка еще школьница. Есть и третий ребенок, внебрачный, тоже девочка и тоже школьница. Дмитрию Захаровичу приписываются многочисленные романы. Недолгие, правда. О его романе с Каролиной Воронович, судя по молчанию в сети, никому не известно – я имею в виду активных блогеров, любящих посудачить на подобные темы.

– Егорыч, подготовь справку, я на слух не готова сейчас воспринимать, – попросила Вера. – А что там по фотороботу?

– Вот... – Окунев показал ей на планшете черно-белое изображение трех мужских лиц. – Среди них нет Абдуллы Фатихова. Возможно, его использовали втемную. Просто взяли паспорт, чтобы купить эти симки в павильончике у метро. Или украли.

– Все может быть, – согласилась Вера. – Но взять вряд ли так просто могли, Фатихов ведь был связан с незаконными вооруженными формированиями. И брать у него паспорт, чтобы использовать этот документ в таком важном деле, случайностью или неосторожностью объяснить нельзя. Скорее всего, это спланированный ход, чтобы направить следствие по ложному следу. А сами убийцы еще в городе, вряд ли они успели выехать так быстро. Был объявлен план-перехват. Если их трое, то разумнее всего было разбежаться и выбираться поодиночке. Теперь что касается Фатихова. Его взяли по серьезной статье и отпустили: повторяю, он почти наверняка сотрудничал со следствием, а такое не прощают сообщники. Я не сомневаюсь, что, выпуская, Фатихова предупредили, что ему на какое-то время лучше уехать, пока не выловят всю группу, – рассуждала Вера. – Он приехал сюда. Возможно, здесь у него были знакомые. Но если его искали бывшие соратники по банде, то могли и отыскать: ведь дома у него наверняка остались родственники: мать, отец, жена... Кто-то мог проговориться. Его нашли и убили, а потом некто с его паспортом приобретает сим-карты, пуская следствие по ложному следу. Теперь следствие будет очень долго искать человека, которого уже нет. Для убедительности кто-нибудь будет пользоваться сим-картой Фатихова или банковской картой, если таковая имела. Попросят кого-нибудь снять деньги или оплатить в магазине что-то. Следователи будут считать, что разыскиваемый где-то рядом, тратить время. Но это только мое предположение, исходя из того, что все сделано слишком явно.

– Я бы так не сказал, – возразил Окунев. – Явно это для нас.

Вера лишь пожала плечами и включила телевизор, как раз должен был начаться выпуск новостей.

– А теперь к главному трагическому событию этой ночи, – прозвучал с экрана голос женщины-диктора. – В деле об убийстве на Поцелуевом мосту в Петербурге появился еще один подозреваемый...

Крупным планом показали фотографию мужчины.

– Знакомое лицо! – обрадовался Егорыч.

– Это уроженец Дагестана тридцатичетырехлетний Абдулла Мусаевич Фатихов. Всех, кто опознал его или видел этого человека, просим звонить по телефонам, которые указаны на экране.

– Будете звонить своему другу Евдокимову? – спросил Окунев.

– Нет, пусть отработает свою версию до конца. Я могу и ошибаться. У них есть и другие подозреваемые. Фотороботы вряд ли составлены по описаниям свидетелей. Скорее всего, преступники попали в поле зрения камер, пока ехали к мосту. Их найдут, и теперь это только вопрос времени. Но Иноземцев не был простым человеком, а потому и заказал его кто-то не очень простой, так что не думаю, что все будет легко и просто. Вот бы узнать, кому он перешел дорогу и в чем!

– По телику не говорят, а так все в интернете. В один голос утверждают, что Дмитрий Захарович со своей честностью и негибкостью был неугоден властям, а ликвидировали его спецслужбы.

– Если судить по характеру совершенного преступления, то спецслужбы причастны к этому делу в самую последнюю очередь. Иноземцев мог умереть от сердечного приступа, утонуть в море или в бассейне... Смерть была бы очень похожа на естественную, и никто бы даже не заикнулся про спецслужбы. А тут слишком явно и не очень профессионально. Хотя вариант с автоэвакуатором следствие отработает до конца. Не мог водитель ничего не видеть и не слышать! Выстрелы производились в трех шагах от машины.

Эвакуатор поставили на полицейскую стоянку, а водителю рекомендовали никуда не отлучаться из города и не отключать мобильный телефон. Но он и телефон отключил, и скрылся, что навело следователя Еремина, который вел это дело, на нехорошие мысли и слова.

«Тахо», который был погружен на платформу эвакуатора, принадлежал некоему бизнесмену, отдыхавшему в данный момент в Испании. С ним, разумеется, майор юстиции Еремин связался и спросил знает ли владелец, где сейчас его автомобиль. Тот ответил, что на стоянке у приятеля, который на Васильевском острове в промзоне держит несколько ремонтных боксов, автомойку и стоянку.

– Я каждый раз у него оставляю, – сказал предприниматель. – А что случилось? Мне еще почти неделю в Испании греться. Угнали, что ли?

– Когда вернетесь – узнаете.

К приятелю нагрянули домой и допросили. Он признался, что машину угнали. Подняли шлагбаум и увели. Как это случилось, ему самому выяснить не удалось, потому что сторож был пьян.

Допрос сторожа ничего не дал. После злосчастного дежурства он по причине своего нетрезвого состояния упал с лестницы той самой будочки, из которой должен был обзирать территорию. А теперь не мог разговаривать: у сторожа была сломана челюсть, сломаны несколько ребер, выбиты передние зубы и рассечена бровь. Он мог только мычать. Отвечать на вопросы в письменном виде отказался, показав сломанные пальцы на левой руке.

На вопрос, почему он не заявил о пропаже чужого автомобиля, владелец стоянки ответил:

– Так это долго, а потом неизвестно, найдут или нет. И друга пришлось бы из отпуска дергать. Я попросил знакомых сотрудников ГИБДД неофициально, так сказать, посодействовать. А еще попросил о помощи знакомых, которые контролируют в городе бизнес по угону автомобилей... Надеюсь вернуть.

Когда его попросили назвать имена знакомых, он отказался, мотивировав тем, что боится мести. А что касается этого «тахо», то ему известно, что с ним произошло и что находится сейчас машина на полицейской стоянке под надежным присмотром рядом с эвакуатором, на котором этот «тахо» и был похищен.

В офис партии гражданского большинства Веру не хотели пускать.

– Прием не ведется, – мрачно сказал охранник. – А посторонним вход воспрещен.

– Я тоже из гражданского большинства, – заявила Вера. – Хочу поговорить с секретарем городского представительства, как раз об убийстве Дмитрия Захаровича. Я его друг, и вы обязаны меня пустить.

– Ну ладно, – сдался парень. – Заходите, только там все в печали.

Она поднялась на второй этаж по тихой лестнице, оказалась в пустом коридоре, увешанном партийными плакатами и фотографиями, на большей части которых был запечатлен выступающий на митингах Иноземцев. В офисе стояла мертвая тишина, и только из-за одной двери доносились голоса. Вера открыла эту дверь и вошла. И оказалась в большой комнате, предназначенной, очевидно, для заседаний. Здесь стоял длинный стол, за которым сейчас сидели четверо мужчин и пили коньяк.

– Вы кто такая? – вскочил один из них. – Вы как проникли сюда? Кто вас пустил? Журналистка?

– Нет, я гражданское лицо. И так получилось, что я хорошо знала Дмитрия Захаровича Иноземцева. А поскольку имею большой опыт расследований преступлений разного рода, то решила зайти и спросить – помощь требуется?

– Вы точно не журналист? – подозрительно спросил другой мужчина, седой и в очках.

– Меня зовут Вера Бережная. Я бывший следователь по особо важным делам, а теперь возглавляю частное розыскное агентство.

Мужчины переглянулись.

– Так, вы говорите, знали Дмитрия Захаровича? – уже миролюбиво спросил тот, кто вскочил. – Мы тут его поминаем. Хотите – присоединяйтесь.

– Я по делу, – напомнила Вера.

– Все равно присаживайтесь, – предложил седой. – Вы же понимаете... – он не договорил, выпил свою рюмку и вздохнул.

Вера опустилась за стол и спросила:

– Что я должна понимать?

– Чьих это рук дело! – воскликнул другой мужчина.

– Объясните.

– Спецслужбы это сделали, – объяснил четвертый присутствующий. Сказал и потрогал ладонью свою лысину.

– Об этом сейчас интернет говорит, – не удивилась Вера. – Даже в Европарламенте готовят какое-то заявление по поводу убийства Иноземцева. Но пока нет данных, подтверждающих это предположение, ничего не известно наверняка.

– Какие вам нужны данные, если и так все ясно? – возмутился седой.

Он посмотрел внимательно на Веру. Очки у него были с толстыми стеклами, и казалось, что один глаз смотрел в сторону.

– Сейчас уже около десятка девочек заявили, что ждут детей от Иноземцева, – напомнила Бережная. – Им что, тоже верить?

– Это другое. Личная жизнь Дмитрия Захаровича не явилась причиной убийства. Основная и главная причина – это его политическая позиция. Как вы сказали, вас зовут?

Вера достала из сумочки визитную карточку и протянула седому. Тот прочитал и обратился к соратникам:

– Агентство «ВЕРА». Друзья, кто-нибудь о таком слышал?

Все промолчали.

– Ну ладно, – примирительно произнес седой. – Я – секретарь городского комитета нашей партии. Моя фамилия Геллер. Зовут Михаил Борисович. Сейчас мы... – он покосился на бутылку, – мы обсуждаем проведение протестной акции против преступного бездействия властей, не желающих расследовать это жуткое преступление. Мы предпримем самые активные методы противодействия, пройдем маршем к мэрии и там устроим им всем Варфоломеевскую ночь.

– Кого собираетесь резать? – усмехнулась Вера.

– Это образно говоря, – нахмурился Геллер. – Но мы призовем всех этих казнокрадов к ответу! Они должны понять, что народ уже устал терпеть унижения, бесправие, нищету, голод...

Он посмотрел на одного из соратников:

– Лева, принеси еще закусочки из холодильника.

Мужчина вышел из комнаты.

– Я тоже считаю, что смерть Иноземцева связана с его партийной деятельностью, – произнесла Вера со значением. – И возможно, опасность угрожает всем активистам.

Геллер побледнел и посмотрел на своих коллег:

– А мы-то здесь каким боком? У нас нет никаких амбиций. Мы для народа стараемся... За него, то есть за народ, переживаем и болеем. Я, например, не собирался в президенты, как Дмитрий Захарович.

– А он собирался? – спросила Вера.

– Ну да, мы на учредительном съезде партии поставили цель – получить большинство в Думе и выдвинуть кандидатуру Иноземцева на выборах в президенты. Он после раздумья дал согласие. И мы все поддержали его.

– И какова была вероятность, что Дмитрий Захарович занял бы этот пост?

– Высокая вероятность, – произнес лысый мужчина. – Народ бы за него проголосовал. Лично я – сотрудник аппарата мэрии и беседовал с коллегами на эту тему. Многие были за него, но боялись выражать свои симпатии открыто.

– Но ведь голосование у нас тайное, – напомнила Бережная.

– Кто вам сказал такую глупость? – рассмеялся Геллер. – Честных выборов у нас никогда не было. Вот если бы они были, то Иноземцев давно был бы президентом и мы давно жили бы иначе.

– Кто мы? – спросила Вера.

Геллер не успел ответить: в комнату вошел тот, кто ходил за закуской.

– Там есть колбаса и сыр двух видов, – доложил он. – А еще консервы: печень трески, шпроты, семга в вакуумной упаковке, фрукты.

– А чего ты с пустыми руками? – удивился Геллер. – Почему не принес?

– Так вы не сказали конкретно, что нести.

Геллер всплеснул руками и посмотрел на лысого, словно ища поддержки. А лысый рассматривал стоящего у дверей.

– Что у тебя на щеке? – поинтересовался он.

– Где? – переспросил мужчина без тени смущения.

– Это печень трески, – объяснила Вера, еле сдерживая улыбку.

Мужчина, ничуть не смущаясь, потер щеку.

– Неси все, – велел лысый. – Там, кстати, еще буженина есть.

– Нет там никакой буженины, – буркнул мужчина и скрылся.

А Геллер посмотрел на Веру и вздохнул:

– Как с такими работать? Представляете, как тяжело нам приходится: с утра сегодня был почти килограмм буженины, а теперь куда-то этот килограмм делся... И такой бардак в пределах офиса, а что творится в стране?!

Наконец закуски принесли, и Геллер представил лысого:

– Это мой заместитель по городскому кабинету – Виктор Тарасович Коробейник. – Он переглянулся с заместителем. – Ну что? Разговор будет конфиденциальным: побеседуем втроем с глазу на глаз без посторонних ушей. – И кивком указал двоим соратникам на дверь: – А вы пока идите буженину искать, ведь была же, я помню.

Двери закрылись, и Коробейник обратился к госте:

– Это даже хорошо, что вы следователь, хоть и бывший. Значит, кое-какие связи у вас в том мире имеются.

– Вы на какой мир намекаете? – улыбнулась Вера.

– Я имею в виду следствие, дознание, полицию. Другими словами, репрессивные органы.

– В репрессиях не участвовала, – призналась Вера. – Но следователей знаю многих.

– Это хорошо, – с удовлетворением произнес Геллер. – Значит, вы сможете нас держать в курсе всего.

– Всего вряд ли получится, но постараюсь.

– Михаил Борисович имел в виду ход расследования, – уточнил Коробейник.

– А если... – начал было Геллер.

Но Вера решила взять инициативу в свои руки и не дала ему договорить:

– У вас какие-то собственные предположения по поводу этого убийства имеются?

– Есть, – произнесли оба мужчины одновременно, переглянувшись, и закончил один Михаил Борисович: – Виновата преступная власть.

– Вы можете персонифицировать эту власть и назвать конкретное должностное лицо?

– Все знают это лицо, – шепнул доверительно Геллер. – Но я не могу заявить об этом открыто, потому что меня тут же убьют на другом мосту.

– Возможно ли такое, что убийство связано с финансированием вашей партии? – спросила Вера.

Партийцы переглянулись, и Геллер перешел на едва слышный шепот:

– Очень даже может быть. Деньги на нашу партию направлялись большие. И не только из России... Вы понимаете?

– Координатором был Иноземцев?

– Да, только он один распределял, в какую региональную организацию отправить и сколько. Например, нам никогда не хватало средств. Вы представляете, сколько стоит организовать митинг, собрать хотя бы три тысячи человек? А как тут доверять людям, когда даже буженина из-под носа пропадает?

– На завтра был назначен митинг, – напомнила Вера. – Сколько ожидалось народу?

– Тысяч тридцать, – ответил Коробейник и кашлянул.

– Где-то так, – согласился с ним Геллер. – Мы, подавая заявку, заявили именно такое количество.

– А если бы пришло меньше, как бы оправдывались перед Иноземцевым?

– Никак. Он бы, конечно, покричал, а потом бы понял, как нам тяжело. Но завтра, я вас уверяю, после этого злодейского убийства народу придет куда больше. Это преступление сплотило наши ряды, привлекло к нашей партии новых сторонников – теперь все знают, на чьей стороне правда, а правду убить нельзя.

– То есть это убийство помогло партии увеличить число своих сторонников? – поинтересовалась Вера.

– Несомненно, – подтвердил Коробейник.

Геллер тоже кивнул.

– То есть смерть Дмитрия Захаровича в какой-то степени принесла выгоду?

– Ни в коем случае! – возмутился Геллер. – Гибель Иноземцева – это тяжелая утрата для всей страны, для народа. Ну, для народа – ладно. У нас ведь такой народ, что ему плевать на все. А вот для партии гражданского большинства эта потеря невосполнима, потому что второго Иноземцева нет и не будет никогда. Не забывайте, что это был реальный кандидат на пост главы государства. И теперь будущее России – темно.

– Но незаменимых людей нет, – с самым серьезным выражением лица произнесла Вера. – Возможно, кто-то из региональных политиков, кто-то из руководства регионального комитета сможет стать во главе и выдвинуть свою кандидатуру на этот важный пост.

– Это так, – согласился Геллер. – Этот вопрос, кстати, можно обсудить на ближайшем заседании городского политсовета нашей партии.

Он посмотрел на Коробейника, ожидая поддержки, но тот сидел, погруженный в размышления.

– Простите, но у меня вопрос, – начала Вера. – А военнослужащие могут быть членами вашей партии, если ваша партия гражданского большинства?

– Ни в коем случае! – с возмущением ответил Геллер. – Армия – это анахронизм, рудимент тоталитарного прошлого! Когда наша партия придет к власти, то мы распустим армию. Флот тоже распустим, а корабли и подводные лодки продадим. И тогда не будет никаких войн, гигантские деньги будут сэкономлены, и эти средства можно будет израсходовать на культуру и на образование. Народу сейчас в первую очередь не хватает культуры и образования. Мне порой приходится сталкиваться с некоторыми, к немалому моему сожалению, представителями этого, так называемого, народа. Меня приглашают в качестве эксперта для участия в различных политических ток-шоу. Что они там вытворяют! Боже мой! Вы даже представить себе не можете! А как они оскорбляют нас – людей, бьющихся за их свободу и отдающих свои жизни в этой неравной борьбе. Один козел недавно назвал меня прохиндеем... И это в прямом эфире центрального канала! Но я его запомнил. Когда придем к власти, я его в бараний рог, этого козла... На нары к уголовникам отправлю...

Возвращаясь в офис, Вера размышляла о партии Иноземцева. Вряд ли его партийная деятельность являлась основной причиной для убийства. Понятно, что выделяемые на региональные отделения средства расходуются подотчетно, только все отчеты липовые, и московское руководство прекрасно осведомлено об этом. Знал, конечно, об этом и Дмитрий Захарович, но мер никаких не принимал. Возможно, он был в доле. Всякое может быть: городов много, и везде устраивают митинги. Просто кто-то ворует буженину, а кто-то партийные деньги.

Позвонил адвокат Перумов и сообщил, что побеседовал с Каролиной Воронович, в его присутствии она ответила на вопросы следствия, но повторила, что ничего не видела, потому что очень испугалась. И до сих пор боится за свою жизнь.

На допросе вместе с полковником Евдокимовым присутствовал и следователь из ФСБ.

Каролине, по ее просьбе, на некоторое время вернули телефон, чтобы она могла связаться с мамой. При следователях она позвонила и сообщила матери, что все хорошо, не надо беспокоиться, и что она ее очень любит.

– Вы уверены, что она звонила маме? – спросила Вера.

– А кому же еще? – не понял адвокат. – Следователь из ФСБ сам набирал номер матери Каролины: нашел в телефонной книжке строчку «мама» и нажал кнопку.

– Но он с мамой не разговаривал?

– А ему зачем? Но это точно была мать Каролины. Мы слышали женский голос, который интересовался здоровьем дочери и как она ест. Каролина ответила, что икрой ее, разумеется, никто не кормит, но скоро она вернется домой и попробует вкусных домашних пирожков.

Теперь Вера почти не сомневалась, что «простушка» Каролина провела ее, Евдокимова, сотрудника ФСБ и адвоката Перумова. С мамой она не живет с пятнадцати лет и вряд ли звонила домой, чтобы вспомнить мамины пирожки. К тому же она сказала, что икрой ее не кормят, а ведь Вера лично покупала для нее и черную икру, и креветки, и фисташковое пирожное. Очевидно, слова, сказанные «маме», – это ключевые слова. Наверняка Воронович сообщила, что говорит под контролем, дала правильные показания и теперь у нее все в порядке.

Проверить это можно. Вера достала салфетку, на которую Воронович записала свой телефон и телефон мамы, и набрала номер.

Долго шли гудки, а потом женский голос отозвался:

– Кто это? Говорите быстрее, я на работе.

– Галина Ивановна, меня зовут Вера. Я подруга вашей дочери Каролины и хотела бы...

– Что еще ей надо? – сразу же перебила Галина Ивановна. – Опять небось хвост прищемило, и сразу мне звонить! Я же говорила ей: не звони мне, и так всю личную жизнь мне поломала, а теперь опять...

– Я только хотела...

– Я знать ничего не желаю! Пусть живет как знает, своим умом и на меня не надеется. Я ей в Минск столько денег отправляла, кредиты даже брала... Она обещала мне вернуть с большими процентами. На фига мне ее Париж? Меня ее мужики задолбали с угрозами! И вы мне больше не звоните! – и она бросила трубку.

Похоже было, что Каролина и в самом деле всех провела, но впопыхах дала Вере действующий телефон матери. Или по рассеянности. А может, и по другой причине. Но в Гродно сама Каролина не звонила. А если и звонила, то явно не маме.

Вечером позвонил возмущенный Евдокимов и сказал, что имя спутницы Иноземцева уже полощут в прессе, не Вера ли сообщила журналистам?

– Ваня, да я бы никогда! – возмутилась Вера. – У тебя в отеле столько людей работает... Кому-нибудь предложили сто баксов, и человек рассказал все что знал.

– Да, все может быть, – вздохнул Евдокимов. – Эх, ведь всех предупредили, чтобы держали рот на замке! Сейчас к Воронович пытаются пробиться, чтобы интервью взять. Городской аппарат в ее номере мы заблокировали...

– Проверь, кому она звонила сегодня при вас, когда попросила свой мобильник.

– Ты и это знаешь?

– Знаю. Как знаю и то, что с матерью Каролина не разговаривала. Я сама дозвонилась до Галины Ивановны, та сказала, что не видела дочь давно и слышать о ней ничего не хочет.

Евдокимов помолчал, а потом признался:

– Лоханулись мы. Самое противное, что дело от нас забирает ФСБ, а девушку решено отпустить, потому что она ничего не знает.

Вера даже слов не нашла от возмущения.

– Это не мое решение, – продолжил Евдокимов. – Я бы еще с ней поработал...

– Но у вас есть водитель автоэвакуатора. Его не удалось разговорить?

– А нет его.

– Как нет?

– Сбежал. Отпустили домой, попросили никуда не выезжать. А он пропал, его жена говорит, что не знает, где он. Вещи все на месте, а мужа нет.

– Вряд ли он успел сменить телефон. Попробуйте найти через оператора. Или через банк. Вдруг он воспользуется банковской картой или позвонит кому-нибудь.

– Дай бог, чтобы живым был, – вздохнул Евдокимов. – Наверняка что-то видел, а теперь испугался, что его уберут как свидетеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.